

Збигнев Войцеховский

Святые и порожденные

В поисках скромности и смиренности

*Биографии великих
Неожиданный ракурс*

Биографии великих. Неожиданный ракурс

Збигнев Войцеховский
Святые и порочные

«ЭКСМО»

2013

Войцеховский З.

Святые и порочные / З. Войцеховский — «Эксмо»,
2013 — (Биографии великих. Неожиданный ракурс)

ISBN 978-5-699-62610-6

Эта книга не ставит перед собой цель кого-либо опорочить. Она посвящена, безусловно, ярким и неординарным личностям, которые не только оставили заметный след в российской истории, но и были возведены Русской православной церковью в лик святых. Кого канонизировать, а кого нет — это сугубо личное дело церкви, и потому автор в своих исследованиях не стал затрагивать церковные методики и принципы определения духовных заслуг того или иного персонажа. Он опирается исключительно на факты, доказанные и подтвержденные самыми авторитетными историками с мировым именем. И многие персонажи православного Пантеона представляются нам сильными, героическими, величайшими борцами и реформаторами, с одной стороны, и живыми людьми, которым не чуждо ничто человеческое, — с другой. Такой ракурс позволяет максимально приблизиться к истине и получить исчерпывающий ответ на вопрос: а кем они были на самом деле, святые?

ISBN 978-5-699-62610-6

© Войцеховский З., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	5
Владимир, великий князь Киевский, креститель Руси	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Збигнев Войцеховский

Святые и порочные

Предисловие

За свою более чем тысячелетнюю историю Русская православная церковь возвела немалых размеров пантеон святых и праведников. Посмертная их судьба, как и прижизненная, сложилась весьма разнообразно. Имена некоторых известны большинству верующих лишь по церковным календарям. Но есть и те, чьи имена на слуху не только у историков церкви, но и хорошо известны даже тем, кто далек от веры.

Однако объединяют их не только деяния, совершенные во имя православия. Общее у них и то, что канонические жизнеописания святых, так называемые жития, зачастую единственные источники сведений о них, довольно редко содержат реальные подробности их жизни. Особенно в части привязки к хронологии и географии. Более того, даже имеющиеся в них детали иногда противоречат известным нам историческим реалиям той эпохи, в которую жил тот или иной святой. Разнятся даты и события, названия городов и селений, имена друзей и врагов...

Увы, даже такие исследователи, как Е.Е. Голубинский, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, которых трудно заподозрить в неприятии или отсутствии уважения к православию, не раз вынуждены были отмечать, что жития святых в большинстве своем никак не могут претендовать на роль исторических документов. Причем даже те немногие, что написаны современниками. Что уж говорить о творениях, созданных столетиями позднее. Или даже о последующих «копиях» исходных житий – переписчики не особенно стремились к дословному воспроизведению оригинальных текстов, «улучшая» их по своему разумению – или по чьему-то мудрому совету. И в этих позднейших «наслоениях» нередко терялись крупницы подлинных сведений. Тот же Ключевский в своей книге «Древнерусские жития святых как исторический источник», изданной в 1871 году и поныне остающейся непревзойденным образцом исследовательской работы, приводит десятки подобных примеров. Вот что он писал о жизнеописании святителя Леонтия, епископа Ростовского – это житие, по его мнению, отличалось «неопределенностью, показывающей, что оно черпало единственно из смутного предания, не основываясь на письменном источнике, на летописи или на чем-нибудь подобном». Житие же Космы Яхромского было «похоже на витиеватое похвальное слово, в котором сквозь риторику... проглядывает лишь скудное и смутное предание» и где «среди словообильных и напыщенных назиданий и размышлений, путающих ход рассказа, с трудом можно уловить две-три ясные биографические черты».

Но, быть может, случались лишь тексты, состоящие из общих фраз? Увы, риторикой авторы житий не ограничивались. Возьмем, к примеру, изданный в 1892 году в Петербурге 12-томный труд архиепископа Филарета «Жития святых, чтимых православной церковью». Каждый из томов этого монументального издания включал жизнеописания святых по месяцам. И вот в томе «Май», в «Житии блаженного Исидора, Христа ради юродивого, ростовского чудотворца» В.О. Ключевский отметил следующие строки:

«Купцы плыли по морю и во время страшной бури решили умилоствовать небо, как спутники Ионы: положили жребием узнать самого тяжкого преступника и бросить его в море. Так брошен был ростовский купец, и он уже близок был к тому, чтобы быть поглощенным в море, как является блаженный Исидор и переносит его на корабль». Обычному читателю это ничего не напоминает, хотя с исходным сюжетом многие знакомы – Ключевский в своей книге прямо пишет, что «...рассказ о спасении ростовского купца Исидором на море основан на легендарных мотивах, плохо прикрытых книжной редакцией и одинаковых с известной новгородской

былиной, приуроченной к лицу новгородца XII в. Садко Сытинича». И так, это деяние святого позаимствовано у легендарного Садко. А что же иные чудеса, упомянутые в житии Исидора?

«Дворецкий князя Владимира, готовивший богатый обед для князя и гостей, с бранью отказал Исидору, когда тот просил утолить жажду и голод его. Во время обеда князь приказал подносить питье гостям; но к изумлению и ужасу, питья не оказалось в сосудах». Увы, и к этому эпизоду Ключевский нашел первоисточник: «чудо исчезновения напитков на пиру у ростовского князя есть вариант легенды о более раннем юродивом Николе Кочанове новгородском».

Следом за Исидором в том же томе упомянут муромский князь Константин, тоже чудотворец, о котором в его житии говорилось, что «Константин решился на все ради святой веры. Это было, по всей вероятности... в 1077 году». Увы, по поводу повести о муромском чудотворце другой историк церкви Е.Е. Голубинский в своей изданной в 1880 году книге «История русской церкви» выразился весьма жестко: «редакции ее не согласны в показаниях о времени событий, из которых ни одно, впрочем, не заслуживает веры... Весь этот рассказ есть не что иное, как вымысел...»

Не менее суровый вывод был сделан Голубинским в его «Истории канонизации святых в русской церкви», увидевшей свет в 1903 году, жизнеописанию благоверных князей Василия и Константина Всеволодовичей Ярославских, которое было помещено Филаретом в том «Июль»: «Сказание о князьях, написанное в первой половине XVI века ярославским монахом Пахомием, замечательно тем, что представляет собой чистое и, можно сказать, образцовое баснословие; в этом именно сказании читается классическая, так сказать, и какая-то совсем невероятная чепуха...»

А житие Ферапонта Монзенского, несмотря на обилие подробностей, так и не дает внятного ответа на вопрос, когда преставился этот святой. Дадим снова слово В.О. Ключевскому: «...биограф приводит известие, что Ферапонт преставился в 1585 году, прожив в Монзенском монастыре 2,5 года. Но по счету самого автора голод 1601 года был 13 лет спустя по смерти Ферапонта». Этим Ключевский хотел сказать, что если от 1601 года отнять 13 лет, то получается, что Ферапонт скончался в 1588 году. Что ж, три года в плюс или в минус, куда ни шло. Но... «По ходу рассказа в житии, Ферапонт был еще жив во время ссоры монзенской братии с игуменом Павлова Обнорского монастыря Иоилем, который занимал это место в 1597–1605 гг.». Из этого следует, что преподобный был жив и в 1585, и в 1588, и как минимум в 1597 году. Не мог же он, преставившись, ссориться с живым игуменом соседнего монастыря. При этом «...биограф говорит, что кончил житие чрез 39 лет после смерти Ферапонта. Но оно написано много лет спустя по приходе автора в обитель, когда он стал уже строителем монастыря и иеромонахом; а он сам говорит, что пришел в монастырь в 1626 г. По-видимому, Ферапонт умер в 1598–1599 гг.»

Точку в блужданиях биографа решительно поставил архиепископ Филарет, написавший в конце жития Ферапонта Монзенского, что тот «...отошел к Господу... декабря 12-го 1591 г.». К сожалению, выяснить, какими источниками руководствовался Филарет и как быть тогда с игуменом Иоилем, не предоставляется возможным.

В томе «Июнь» присутствует житие владимирского князя Глеба, который, согласно житию, преставился в 1175 году в двадцатилетнем возрасте. Жизнеописание этого благоверного, составленное пять столетий спустя после его кончины, сообщает, что юный князь, «чистый и непорочный», был сыном Андрея Боголюбского – личности весьма известной, к которой мы еще вернемся. Странное дело – в летописях того времени упоминаются три сына этого князя – Изяслав, Мстислав и Юрий (Георгий), жена Улита и дочь Ростислава, а о Глебе нет ни слова.

Е.Е. Голубинский, пытаясь исправить положение, в своей «Истории канонизации святых в русской церкви» предположил, что речь идет об одном из известных сыновей Андрея Боголюбского – Юрии, принявшем имя Глеб в иночестве. В своем предположении относительно

Юрия ученый отталкивался от того, что «... после 1175 года летописи совершенно молчат о нем». Однако Юрию, во-первых, в 1175 году еще не было двадцати (он родился в начале 1160-х), а во-вторых, к тому моменту он уже княжил в Новгороде. Откуда, впрочем, был в тот год изгнан – едва умер его могущественный отец, новгородцы предпочли другого князя. О следующем десятилетии жизни Юрия ничего не известно, кроме того, что, оказавшись поначалу в родном Владимире, он был изгнан своим дядей Всеволодом и оказался в половецких степях. Но Юрий точно не умер среди кочевников – в 1185 году там княжича нашли посланцы грузинских князей, избравшие его на роль жениха для царицы Тамар, впоследствии весьма знаменитой. Дальнейшая часть его биографии известна исключительно по грузинским и армянским источникам – в русских летописях она не отражена совершенно. Менее чем через три года царица Тамар, выражаясь современным языком, подала на развод – шаг по тем временам для христианского мира беспрецедентный. Однако и поводов царь Георгий (как его именовали в Грузии) успел дать для этого предостаточно – беспробудное пьянство, мужеложство, зоофилия, пытки неугодных... Высланный в Константинополь, он попытался вскоре вернуться на трон, играя на разногласиях между грузинскими кланами, но потерпел поражение. Не желая сдаваться, Георгий призвал на помощь половцев (и даже женился на их княжне, когда Тамар снова вышла замуж), но на этот раз был разбит окончательно и бесследно исчез. Во всяком случае, после 1194 года о нем ничего не известно. Впрочем, для нас важнее то, что быть святым Глебом Владимирским этот князь никак не мог. Но о ком тогда идет речь в житии?

Впрочем, есть примеры и иного рода – когда праведность и чудесные деяния приписывались все же реальному человеку. Житие Афанасия Цареградского изображает этого святителя «мудрым в слове... борцом и страдальцем за веру православную». Весной 1653 года Афанасий прибыл в Москву, где принял активное участие в церковной реформе патриарха Никона. В конце того же года выехал в город Галац (ныне в Румынии), однако в феврале 1654 года занемог в пути, остановился в монастыре около города Лубны, где и преставился в апреле того же года.

Такова вкратце биография этого святителя, довольно достоверная, к слову. Добавим к ней всего несколько штрихов. Афанасий трижды занимал патриарший престол в Константинополе – в 1634-м, 1635-м и 1652 годах, вот только каждый раз патриаршество длилось всего несколько дней – в последнем случае целых 15. Впрочем, тогда патриархи в Константинополе не засиживались. В те времена кандидат на патриарший престол должен был устраивать и султана, и ряд европейских стран – католических и протестантских, чьи посольства «спонсировали» султана. Свое первое патриаршество Афанасий купил по большей части за деньги французского посольства. Но его соперник сумел отвоевать престол через две недели – поддерживавшие его голландцы заплатили больше. Протестанты оказались щедрее католиков. Официальные историографы церкви не любят говорить о том, что Афанасий «написал просьбу папе об утверждении за собою по прибытии в Рим титула константинопольского патриарха...». Я цитирую «Исторический список епископов, а потом патриархов Константинопольских» Константина Икономоса, известного греческого богослова и борца за независимость Греции, жившего в конце XVIII – первой половине XIX веков и отличавшегося большой симпатией к России. Икономос прямо писал, что Афанасий «оказался на деле тщеславным человеком, из честолюбия готовым попираť божественные каноны Церкви...». Достоверно известно, что, потеряв во второй раз патриарший престол, Афанасий лично приехал в Италию и прожил там какое-то время, надеясь стать католическим кардиналом. Но был признан «несостоятельным».

Что же стало причиной причисления Афанасия к лику святых? Как ни странно, совсем не то, что написанный им «Чин архиерейского совершения литургии на Востоке» лежит в основе «Чиновника архиерейского служения», используемого в Русской православной церкви и поныне. Греческие монахи – свита странствующего патриарха Константинопольского, как он продолжал именоваться, хотя и был смещен – похоронили владыку по обряду своей церкви, то есть в сидячем положении. Именно это обстоятельство так поразило воображение местных

иноков и паломников, что послужило основной и решающей причиной почитания Афанасия как святого и чудотворца. Известно, что официальное почитание патриарха началось в конце XIX века, хотя утверждается, что канонизирован он был чуть ли не сразу после смерти – в 1670-е годы. Однако известно также о существовании ходатайства полтавского архиепископа Мефодия о канонизации Афанасия, отклоненного Священным Синодом в 1818 году. Так кто и когда причислил его к лику святых?

К Афанасию Цареградскому мы еще вернемся, а пока же нужно сказать, что таких примеров в каждом томе труда Филарета, как и во многих аналогичных изданиях, превеликое множество.

Однако же Церковь представляет верующим жития отнюдь не как творения человеческие, со всеми пристрастиями и заблуждениями авторов, а как божественные откровения, в которых каждое слово – непреложная истина.

И вот, восхищаясь, с одной стороны, работами Ключевского, Голубинского, Костомарова, Татищева и других исследователей, Церковь тем не менее на деле «клала под сукно» результаты их исканий в области житий русских святых. И до сих пор повторяет все ошибки, противоречия и нелепости, отмеченные историками, никак не пытаясь избавиться от немалого числа недостоверных личностей, затесавшихся в ряды ее лучших представителей, и многих сознательных фальсификаций, случайных наслоений и просто сомнительной информации прежних лет.

Однако посмотрим на это с другой стороны. Церковь все же не отрицает ценности этих исследований. Книги Ключевского и Голубинского издавались, пусть и малыми тиражами. Тексты их можно найти в Интернете, причем прежде всего на православных сайтах, то есть ознакомиться с ними может любой желающий.

Однако верующие продолжают почитать как святых людей, порой не совершивших ничего, достойного поминовения, а то и вовсе никогда не существовавших. Почему? Странно будет думать, что никто прежде не задавался этим вопросом. Задолго до нас об этом говорили и писали многие люди.

Повторюсь – работы вышеназванных историков церкви находятся в свободном доступе, более того, авторы их никем не развенчаны и не преданы анафеме. Наоборот – в их адрес иерархами церкви сказано немало лестных слов.

И что же, прихожане предпочитают заблуждаться? Слепо верить? Но вера, подкрепленная знанием, может быть гораздо сильнее. Кто сказал, что знание правды о том или ином «святом» способно разрушить в человеке веру в Бога? Если так, значит, вера слаба. Или верит человек во что-то иное. Или только прикрывается верой.

Ведь есть во всем этом и другие стороны. Жизнь Церкви – это не только молитвы и службы. Это и повседневная хозяйственная деятельность – поддержание действующих храмов в надлежащем состоянии, проектирование и строительство новых церквей. Служителей церкви нужно кормить и одевать, церковная утварь и литература тоже стоят денег. Как и многое другое. Но где граница между религиозным туризмом и торговлей сопутствующими предметами культа как средством материального обеспечения деятельности Церкви, совмещенным с удовлетворением потребностей верующих, и получением денег этими и подобными способами как самоцелью?

Или кто-то поклоняется просто внешнему благолепию, не вникая в суть того, что за ним стоит? Как те бабушки, что готовы наброситься с кулаками в храме на человека, «не так» поставившего свечку?

И все же – кому отведены красные строки православного календаря? Все ли они были святые в своих делах и поступках? Так ли белоснежны их одеяния? Посмотрим на них повнимательнее.

Вернемся к самому началу православия на Руси.

Владимир, великий князь Киевский, креститель Руси

Великий князь Владимир Святославич занимает особое место как в истории Руси, так и в истории Русской православной церкви. Внук Ольги, которая первой среди русских князей приняла христианство и стала первой христианской святой на Руси. Сын князя Святослава, выдающегося полководца. В отличие от отца, последовавший примеру Ольги и обратившийся к новой вере. Но, в отличие от Ольги, Владимир не только крестился сам, но и повернул к христианству своих подданных. Чем определил судьбу своей родины и православия на многие столетия вперед. За что был прозван Владимиром Святым, равно как и Владимиром Крестителем, и впоследствии отнесен православной церковью к числу равноапостольных, то есть святых, особо прославившихся проповедованием Евангелия и обращением народов в христианскую веру, коих в православии насчитывается 12, и в числе трех из них, наряду с Кириллом и Мефодием, при богослужении особо поминается в литургии.

О начальном периоде жизни князя Владимира летописи говорят немного, нет в них и точной даты его рождения. Известно, что в 969 году умерла его бабка, княгиня Ольга. А отец его, князь Святослав, готовясь к походу на Царьград, коему суждено было стать для него последним, отправил в том же году Владимира княжить в Новгород, в то время как брату его Олегу досталась Древлянская земля. Киев же князь отдал в управление своему старшему сыну Ярополку.

Поначалу Владимир вслед за отцом держался языческих обычаев. Через несколько лет после смерти Святослава Олег поднял мятеж против Ярополка, который хоть сам и не крестился, но христианам благоволил. Однако Олег погиб, а Владимир, получив известие о его смерти, бежал к варягам. В 978 году Владимир набрал войско из варягов, изгнал из Новгорода наместника Ярополка и двинул свою дружину сначала на Полоцк, а потом и на Киев. Ярополк был убит, и Владимир сел на отцовский престол. И поначалу правил согласно языческим обычаям.

Выросший в основном под присмотром княгини Ольги, фактически правившей Русью, когда отец проводил время в военных походах, Владимир вслед за ней ощутил неполноту языческой религии и стал задумываться о другой, истинной вере. Когда Владимир объявил о своем желании переменить веру, то явились к нему в Киев многие проповедники: иудейские, мусульманские, а также христианские – немецкие и греческие (хотя о расколе еще никто и не помышлял, отличия между ними уже возникли, причем существенные), и каждый восхвалял свою веру.

Более других понравилась Владимиру вера греческая. Его особенно впечатлил греческий проповедник, показавший ему картину Страшного суда. «Хорошо праведникам по правую сторону, горе же грешникам по левую!» – сказал со вздохом Владимир. «Крестись, и ты будешь в раю с первыми», – отвечал ему проповедник.

Германских христиан Владимир выслушал, но отвечал им: «Идѣте опять, яко отцы наши сего не прияли суть» (то есть «ступайте назад, ибо наши отцы этого не приняли»). В словах его было эхо провалившейся с треском миссии епископа и священников, присланных в Киев еще при отце его Святославе германским императором по просьбе княгини Ольги. Поколебать упорство Святослава в язычестве немцы не сумели – получилось у них лишь вызвать гнев князя.

Мусульманские обычаи также не вызвали у Владимира желания приобщиться к ним. Иудейская же вера не приглянулась князю еще и потому, что не была нигде государственной религией и ни один равный ему властитель не исповедовал ее.

Выслушав всех проповедников, князь все же не пришел к окончательному решению. Бояре советовали Владимиру еще испытать каждую веру там, где сильна она. Посланцы

князя побывали при богослужениях у иудеев, мусульман, немцев и, наконец, у греков. Сам патриарх Константинопольский совершал литургию в их присутствии; великолепие храма, богатые облачения многочисленного духовенства и стройное пение хора привели послов в восторг. «Узнав веру греческую, мы не хотим иной», – сказали они князю. Тогда Владимир окончательно утвердился в своем выборе.

Склонный к пышности и торжественности, гордый князь пожелал принять новую веру от самих царей византийских и патриархов греческих. Кроме того, ему хотелось породниться с императором, взяв в жены его сестру, царевну Анну. Это даже стало условием оказания военной помощи императору в подавлении восстания в принадлежавших Византии землях. Однако император не спешил выполнять взятые на себя обязательства. И Владимир решил добиться своего силой. Он овладел принадлежавшим в то время грекам городом Корсунь (по-гречески Херсонес; руины его находятся на территории современного Севастополя) и снова послал просить руки Анны. Ответом ему было, что царевна как христианка не может быть женой язычника. Владимир сказал, что ему понравилась греческая вера и он желает креститься.

Возможность просвещения Русского государства и земель его, шанс сделать Русь навсегда союзником Византийской империи перевесили нежелание базилевса нарушать традицию не заключать династические браки с варварами, пусть даже и христианами. Собирая Анну в дорогу, ее братья – император Василий II и его соправитель Константин утешали сестру, подчеркивая значительность предстоящего ей подвига. Царевна отправилась в Корсунь для брака с Владимиром. У Владимира в это время разболелись глаза. Анна, увидев это, советовала ему поспешить с крещением, говоря, что это избавит его «...от слепоты и телесной, и душевной». Князь внял ее словам и приказал немедленно послать за корсунским епископом, который и крестил Владимира. И действительно, едва лишь епископ возложил руку на голову Владимира, чтобы погрузить его в купель, как тот внезапно прозрел и закричал от восторга. При крещении Владимир был назван Василием. За крещением последовало и обещанное венчание Владимира с Анной. Затем князь отправился обратно в Киев, взяв из Корсуни греческих пастырей: первого русского митрополита Михаила и священников, а также святые мощи, много икон, крестов и иных святынь. Корсунь же был возвращен грекам.

В Киеве Владимир прежде всего предложил креститься двенадцати своим сыновьям. Вслед за ними крестились многие знатные люди. Затем Владимир стал готовиться к крещению всех своих подданных, первым делом начав истреблять языческих идолов, которые были преданы топору и огню. Главный же из идолов, Перун, был сброшен с горы, на которой стоял, в воды Днепра.

Священники, прибывшие с князем, собирали народ и наставляли его в вере. Наконец Владимир объявил в Киеве, чтобы все жители явились на берег Днепра для принятия крещения, и назначил день для этого. Киевляне не стали противиться воле князя, рассудив, что государь не принял бы новую веру, не будь она лучше прежней. В назначенный день множество народа собралось у воды. Сюда явился и Владимир с пастырями. Все киевляне вошли в реку кто по шею, кто по грудь, малые дети были на руках у взрослых. Священники на берегу читали молитвы, а князь Владимир, объятый восторгом, поднял руки к небу и молился за своих подданных, призывая Господа благословить новых чад своих.

Крещение князя Владимира и Руси состоялось в 988 году. После Киева и его окрестностей святая вера была распространена в Новгороде, Ростове и Суздальской земле. В Новгород князь послал митрополита Михаила. В Суздаль же и другие города путешествовал вместе с ним и сам князь. Повсюду повелел Владимир крестить народ, ниспровергать языческие требища, изничтожать идолов, а на месте их рубить церкви – согласно древнему христианскому обычаю воздвигать храмы на развалинах языческих святилищ или на крови святых мучеников. Следуя этому правилу, в Киеве князь Владимир построил храм святого Василия Великого на холме, где находился жертвенник Перуна, а на месте мученической кончины святых варягов-муче-

ников заложил каменный храм Успения Пресвятой Богородицы, призванный стать местом служения митрополита Киевского и всея Руси, первопрестольным храмом Русской Церкви. Этот храм строился пять лет, был богато украшен настенной фресковой живописью, крестами, иконами и священными сосудами, привезенными из Корсуня. Тогда же Владимир пожаловал Церкви десятину, почему и храм Успения Пресвятой Богородицы, ставший центром общерусского сбора церковной десятины, нарекли Десятинным.

С Десятинной церковью и епископом Анастасом связывают начало русского летописания. При ней были составлены житие святой Ольги и сказание о варягах-мучениках в их первоначальном виде, а также «Слово о том, како крестися Владимир возмзя Корсунь» и житие святых мучеников Бориса и Глеба.

Для распространения и утверждения веры нужны были ученые люди, нужны были и школы для их обучения. Поэтому Владимир и митрополит Михаил, также впоследствии причисленный к лику святых, «начаша от отцов и матерей взимати младые дети и давати в училище учиться грамоте». Такое же училище устроил в Новгороде Иоаким Корсунянин, первый епископ Новгородский, были они и в других городах.

Сыновья Владимира также ревностно заботились о введении и распространении христианской веры в своих уделах. Отсюда же она шла далее и далее по пределам земли Русской.

Святой Владимир твердой рукой сдерживал на рубежах врагов, строил города и крепости, в том числе «засечную черту» – первую в русской истории линию оборонительных пунктов против кочевников-печенегов, заселяя их «новгородцами, смольнянами, чудью и вятичами...». Однако он воевал не только мечом. Христианизация и миссионерство использовались столь же деятельно.

Эпоха святого Владимира была ключевым периодом для государственного становления православной Руси. Объединение славянских земель и оформление государственных границ державы Рюриковичей происходили в напряженной духовной и политической борьбе с соседними племенами и государствами. Крещение Руси от православной Византии было важнейшим шагом ее государственного самоопределения.

Главным врагом князя Владимира стал польский князь Болеслав Храбрый, который тоже претендовал на роль великого объединителя западнославянских и восточнославянских племен. Это соперничество восходило еще ко времени Владимирова язычества – в 981 году Владимир отвоевал у отца Болеслава, князя Мешко, ряд городов Червенской (Червонной, Красной) Руси (области, позже известной как Галиция). А в 992 году завершил ее присоединение к своей державе. После кратковременного затишья «великое противостояние» вступило в новую фазу: в 1013 году в Киеве был раскрыт заговор против князя Владимира: его сын Святополк, прозванный впоследствии Окаянным, княживший в Турове и незадолго до этого ставший зятем Болеслава, намеревался занять великокняжеский престол силой. Вдохновителем заговора был духовник жены Святополка, епископ Рейберн, который был схвачен и позже умер в заточении. Святополк же покаялся перед отцом и был прощен, хотя и содержался вместе с женой под надзором.

Новая беда назревала в Новгороде. Другой сын Владимира, Ярослав (еще не заслуживший прозвания «Мудрый»), став в 1010 году держателем Новгородских земель, задумал обособить свой удел, завел отдельную дружину, перестал платить в Киев обычную дань и десятину.

Единству Русской земли, за которое всю жизнь боролся Владимир, угрожала опасность. В гневе и скорби немолодой уже князь повелел «мосты мостить, гати гатить», готовиться к походу на Новгород. Но силы его были на исходе. В приготовлениях к походу креститель Руси тяжело заболел и скончался в служившем ему резиденцией селе Спас-Берестове 15 июля 1015 года. Он правил Русским государством тридцать семь лет, из них двадцать восемь лет – будучи христианином.

Тело его было привезено в Киев. В Десятинной церкви гроб с мощами святого Владимира встретило киевское духовенство во главе с митрополитом Иоанном. Святые мощи были положены в мраморной раке, поставленной в Климентовском приделе Десятинного Успенского храма рядом с такой же мраморной ракой царицы Анны, скончавшейся четырьмя годами ранее...

Празднование святому равноапостольному Владимиру было установлено князем Александром Невским после того, как 15 июля 1240 года, помощью и заступлением святого Владимира, была им одержана знаменитая Невская победа над шведскими рыцарями.

Однако церковное почитание святого князя началось на Руси значительно ранее. Митрополит Иларион, святитель Киевский, в «Слове о законе и благодати», сказанном в день памяти святого Владимира у раки его в Десятинном храме, называл его «во владыках апостолом», «подобником» святого Константина и сравнил его апостольское благовестие Русской земле с благовестием святых апостолов.

За труды введения и распространения веры в России князь Владимир, как и бабка его, княгиня Ольга, причислены Церковью к лику святых и почитаемы оба как православными, так и католиками. Святой Владимир именуется равноапостольным, подобно царю Константину.

Такова история жизни и деяний великого князя Владимира с точки зрения иерархов Русской православной церкви.

Но все ли здесь правда и все ли детали – возможно, мелкие, но от того не менее важные – были упомянуты?

И снова вернемся к началу. Увы, русские летописи не отличаются ни полнотой сведений, ни их достоверностью. Период до крещения Руси и вовсе целиком освещен пересказами изустных преданий или слухами, дошедшими до краев, где уже имелась письменность.

В различных современных источниках дату рождения Владимира Святославича можно отыскать в довольно широком диапазоне – от 948 до 962 года. Первая дата выглядит крайне сомнительной, учитывая, что появление на свет его отца, Святослава Игоревича, традиционно относят к 942 году, что подтверждают и византийские источники. Не мог же Святослав стать отцом в шестилетнем возрасте. Что касается самой поздней даты, то она выведена из того, что старший сын Владимира Вышеслав появился на свет в 977 году, то есть до того, как он вокняжился в Киеве. Совершеннолетие в те времена наступало рано, так что Владимир вполне мог стать отцом в четырнадцать-пятнадцать лет. Но наиболее правдоподобным выглядит предположение, что он родился между 956 и 960 годом (ближе ко второй дате). То есть великим князем Киевским он стал примерно в двадцать, а христианство принял в возрасте около тридцати.

Что касается княжения в Киеве, то довольно долго считалось (вследствие ошибок при пересчете дат из летосчисления от сотворения мира в летосчисление от Рождества Христова), что Владимир занял киевский престол в 980 году. Однако из его наиболее раннего жития, написанного Иаковом Черноризцем во второй половине XI века, выводится, что дружина Владимира вошла в Киев 11 июня 978 года. Кроме того, летописец, хотя и упомянул 980 год, указал в своих записях, что Владимир правил 37 лет, что с отсчетом от его смерти в 1015 году, снова дает нам 978 год как начало великого княжения.

С прочими датами та же путаница. Православные источники в большинстве своем называют, что в 988 году Владимир крестился, женился на византийской царевне и в том же году крестил Русь. Так сказать, почти одновременно. Во всяком случае, в 1988 году в перестроечном СССР с размахом отметили 1000-летие Крещения Руси. А теперь и в постсоветских России, Беларуси и Украине устраиваются каждое десятилетие юбилейные празднества.

Но действительно ли все это случилось в один и именно этот год?

Прежде всего, совершим небольшой экскурс в ситуацию вокруг Византийской империи и внутри нее в 980-е годы. После легендарных походов на Царьград Игоря и Святослава рус-

сов в Константинополе воспринимали как врагов, пусть и потенциальных. Но правивший с 976 года император Василий II столкнулся с серьезной проблемой внутри империи. Корни ее находились в недалеком прошлом. В 970 году поднявший восстание и провозгласивший себя императором полководец Варда Фока (племянник убитого в 969 году императора Никифора II Фоки) был разбит другим полководцем, Вардой Склиром. Спустя пять лет победитель оказался в отставке в результате дворцовых интриг и уже сам предъявил претензии на корону. Василий II, заняв трон, по совету своего дяди вызвал из ссылки Варду Фоку, который в 979 году сумел разбить войско Склира. Склир, которого посчитали погибшим в бою, нашел пристанище в Багдаде. В 987 году Варда Фока решил воспользоваться войной с болгарами и снова поднял мятеж, объявив себя императором. При этом он предложил вчерашнему врагу Варде Склиру союз. Склир собрал войска и привел их, однако встреча с Фокой закончилась для него заточением в тюрьму. Тринадцатого апреля 989 года Фока погиб в сражении, и выпущенный на свободу Склир возглавил восстание. Однако вскоре был то ли взят в плен, то ли сдался сам, и умер 2 апреля 991 года в своем поместье, помилованный императором. Впрочем, восстание византийских полководцев нам интересно не само по себе, а исключительно в связи с крещением князя Владимира и всей Руси.

Итак, август 987 года. Популярный в византийской армии Варда Фока поднимает восстание и объявляет себя императором. Власть Василия II и его брата-соправителя оказывается под угрозой, поскольку значительная часть армии поддерживает мятеж. И они решаются обратиться за помощью к Владимиру. Уже осенью (то есть почти сразу же – учитывая тогдашние скорости) в Киев прибывают их послы. Лучше прочих описал это в своей летописи, охватывавшей период 976–1031 годов, Яхья Антиохийский (Яхья ибн Саид ибн Яхья ал-Антаки; арабоязычный историк того периода, уроженец Египта, православный по вероисповеданию):

«Был им [Вардой Фокой] озабочен царь Василий по причине силы его войск... И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю руссов – а они его враги, – чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении... И заключили они между собою договор о свойстве и женился царь руссов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его стран, а они народ великий. И не причисляли себя руссы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей, в Хрисополь. И победили они Фоку...»

То есть по этому договору князь Владимир предоставлял Византии, выражаясь современным языком, 6-тысячный «экспедиционный корпус», состоявший в основном из наемников-варягов (одновременно снимая с себя головную боль по их содержанию), и принимал святое Крещение. Взамен он получал руку царевны Анны, а с ним и родство с византийским царским родом – что сильно поднимало его статус не только в собственных глазах.

Помощь из Киева прибыла вовремя. В начале 988 года войска мятежников подошли к Босфору, и от столицы империи их отделял лишь этот пролив. В битве у города Хрисополь летом того же года «руссы» вместе с войсками императора нанесли первое поражение мятежникам. Первое, но не последнее.

Однако не будем забегать вперед. Согласно житию, написанному Иаковом, Владимир был крещен в 987 году, то есть к тому моменту уже почти год. По всей видимости, это могло произойти после заключения договора о военной помощи. Тем более что бояре и воеводы поддерживали Владимира в выборе новой веры. Однако нам известно, что до женитьбы его на византийской царевне и крещения Киева имел место поход русских дружин на Корсунь, с последующей осадой и взятием этого оплота византийского господства на Черном море. «Повесть временных

лет» относит сей поход к началу лета 988 года, плюс-минус несколько недель. Однако Лев Дьякон, к слову, единственный из тогдашних византийских хронистов посчитавший взятие Херсонеса руссами достойным упоминания, привязывает это событие к появлению кометы, которое было отмечено в июле – августе следующего, 989 года. Осада, по разным данным, длилась от 6 до 9 месяцев, то есть вполне могла начаться поздней осенью 988 года, после ухода «экспедиционного корпуса» на помощь грекам и сообщений о его первых успехах. Основной версией до сих пор считается захват города с целью принудить византийцев выполнить свои обещания и отправить царевну Анну к Владимиру. Учитывая важность Херсонеса как ключевого узла многих торговых маршрутов, версия небезосновательная. Однако непонятно, почему тогда присланные Владимиром отряды все эти месяцы продолжали громить войска Варды Фоки, словно ничего не случилось (и вообще, участие «русов» в подавлении мятежей в Византии задокументировано вплоть до конца X века). Однако есть и другая версия – Херсонес принял сторону мятежников, и, штурмуя город, киевский князь лишь выполнял свои союзнические обязательства. То есть не было никакого «возмущения греческим лукавством».

К слову, есть еще один момент, который историки церкви старательно обходят. Владимир выбирал религию не только и даже не столько для себя – интересы растущего единого государства требовали соответствующей идеологии. Препятствием этому требованию уже не удовлетворял. Попытка Владимира его «модернизировать» – ввести среди богов и божков некое подобие иерархии, назначив Перуна главным богом – желаемого эффекта не дала. Принесенный князем из варяжских краев обычай человеческих жертвоприношений придавал язычеству слишком уж мрачный вид. Кстати, весьма громко он ударил по другим варягам – варягам-христианам. Уже потом князь воздвиг на месте гибели варягов-мучеников храм Успения Пресвятой Богородицы, в котором потом пребывали его собственные мощи – до самого разрушения храма татарами. По утверждению некоторых летописцев, твердость в вере этих варягов впечатлила князя и способствовала впоследствии сделанному им выбору. Может быть. Но в тот год, когда разъяренные киевляне-язычники убили Федора и его сына Иоанна, которого выбрали для жертвоприношения, князь даже не пообещал наказать виновных – ведь все было по закону, самим же князем и утвержденному: одному выпал жребий, а другой пытался этому помешать...

Однако как же княжеская свадьба? Большинство источников сходится на том, что она состоялась после взятия Херсонеса и прибытия туда Анны со свитой и священниками. После чего князь с молодой женой отправился в обратный путь к Киеву. Что тоже заняло не один день. И даже не неделю. Так что крещение Руси снова откладывалось. Справедливости ради замечу, что вовсе не по вине Владимира...

Кстати, о женах. По христианским обычаям, жена у человека должна быть одна, даже если он великий государь. А вот с этим у Владимира были некоторые трудности. Жен у него в язычестве было больше, чем одна. Причем одновременно. Возможно, поэтому он поначалу проявил интерес к мусульманству. Впрочем, иные мусульманские установления оказались для него еще более неприемлемы. Итак, в языческий период своей жизни Владимир Святославич показал себя весьма любвеобильным мужчиной. Только признанных жен у него было до крещения четыре, включая Рогнеду – дочь полоцкого князя Рогволода. И даже после смерти Анны Византийской, с которой прожил в браке два десятилетия, Владимир успел жениться еще раз (но этот брак был недолог, и достоверных сведений о его последней жене нет). А уж сколько у него было наложниц... Тут вполне можно доверять «Повести временных лет», хотя некоторые и называют ее «первым примером фальсификации исторических документов на Руси»: «Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены [...], а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде [Белгороде-Киевском] и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц».

Это, к слову, еще один аргумент в пользу версии о невысокой вероятности одновременного крещения Владимира и его свадьбы с царевной. Сначала князю следовало разобраться со своим гаремом. Что он и сделал. Рогнеде он предложил самой выбрать себе мужа, но гордая полочанка будто бы предпочла монастырскую келью. Остальных он и вовсе просто освободил от исполнения супружеских обязанностей (по одной из версий, выдал за своих дружинников). Судьба же наложниц и вовсе покрыта мраком.

О Рогнеде стоит сказать особо. Ее отец – полоцкий князь Рогволод – во время конфликта между сыновьями Святослава принял сторону Ярополка и даже просватал за него Рогнеду. В.Н. Татищев утверждал, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, что Рогволод был не просто вассалом Ярополка, но и активным участником междоусобицы Святославичей – захватил оставленные Владимиром «волости новгородские». Когда же Владимир вернулся с варягами, он прислал к полоцкой княжне сватов.

Был ли Рогволод из варяжского рода, достоверно неизвестно, хотя и принято так считать. Однако Рогнеда знала славянский свадебный обычай «разувания». Посему на вопрос отца перед послами новгородского князя, хочет ли она за Владимира, княжна ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, хочу Ярополка». Во всяком случае, примерно в таком виде приводит ее слова все та же «Повесть временных лет».

Это было жестокое оскорбление не только Владимиру, но и Добрыне – его послу, воеводе, главному советчику и брату его матери. После этого Владимир Святославич привел к Полоцку отряды варягов и новгородцев. Суздальская летопись Лаврентьевского списка говорит о происшедшем далее достаточно недвусмысленно: «...и подступили к городу, и взяли город, и самого князя Рогволода взяли, и жену его и дочь его; и Добрыня, в оскорбление ему и дочери его, нарек ей сына рабыни, и повелел Владимиру быть с ней перед отцом ее и матерью. Потом Владимир отца ее убил, а саму взял в жены...» Выражаясь более привычным нам языком, будущий креститель Руси изнасиловал Рогнеду, заставив смотреть на это ее родителей и двух старших братьев, которых после этого уже у нее на глазах и убил. Это не помешало ему взять обещанную им девушку в жены. Некоторые историки полагают, что дело было в том, что род Рогволода имел право наследовать полоцкий престол, но достоверных сведений об этом нет.

Так или иначе, но Рогнеда стала женой Владимира. Возможно, по языческой традиции сменила имя на Гориславу, как утверждают некоторые источники. И родила убийце своей семьи семерых детей – четверых сыновей (Изяслава, умершего во младенчестве Мстислава, Ярослава и Всеволода) и трех дочерей. В 986 или 987 году (когда Владимир всерьез задумался о новой религии для себя и своей растущей державы) Рогнеда решила вдруг убить мужа. По версии, поддерживаемой многими белорусскими историками, решила, наконец, отомстить ему за свой позор и за смерть своих близких. Красивая легенда, однако, теряет свою убедительность, едва задумываешься на том, что Владимир к тому моменту был ее мужем уже не первый год и она родила ему семерых детей. Не поздновато ли для мести за родных? Скорее, дело было в том, что Владимир не делал секрета из того, что намерен принять новую веру и породниться с византийскими императорами. Знала Рогнеда и о том, что христианство не приемлет многоженства, а это означало, что из старшей по родовитости жены она превратилась бы в пустое место. Вот этого она Владимиру простить не смогла. Однако, хотя и взяла нож, убить князя не сумела. Разгневанный князь схватился за меч, но на крик прибежал малолетний Изяслав, ставший на защиту матери с детским деревянным мечом. Убить жену на глазах у сына Владимир не решился. По совету бояр он отправил Рогнеду с Изяславом в полоцкую вотчину, фактически в ссылку. Разоренный Полоцк на роль пристанища для них не годился. Для этого было основано новое поселение, названное Изяславлем – в честь опального княжича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.